

Анна Ахматова

Голос этого поэта долго не был слышен, хотя поэт не прерывал своей деятельности: в сборнике помещены стихи, подписанные последними годами. Мы не знаем причины такого обстоятельства, но знаем, что оправдать это обстоятельство ничем нельзя, потому что Анна Ахматова поэт высокого дара, потому что она создает стихотворения, многие из которых могут быть определены как поэтические шедевры, и задерживать или затруднять опубликование ее творчества нельзя.

Первое стихотворение, помещенное в книге «Ива», написано в 1940 году.

...И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.
Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.
И, благодарная, она жила
Со мной всю жизнь...
...И, странно! — я ее пережила.
Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами.
И я молчу... Как будто умер брат.

Привязанность человека к людям обычно приходит позже его детства. В своем детстве человек любит мать, но эта его любовь не то же самое, что гуманизм взрослого человека; в детстве человек любит «неодушевленные» предметы — лопухи, иву или что другое, но любит их не скопом, не пантеистически, а индивидуально: другие ивы не заменили поэту одну, любимую, умершую иву и смерть этой одной-единственной ивы столь же грустное событие, как гибель брата. Эта естественная особенность детской души изображена поэтом с предельной точностью; изображена и особенность самого поэта обретая опыт зрелости, не утратить в себе детства и не забыть своих детских привязанностей. Истинный поэт, как мудрец, хранит в себе опыт всей своей жизни — от самых первых впечатлений до последнего момента существования — и пользуется этим опытом.

В стихотворении «Муза» творческая способность человека сравнивается с другими ценностями жизни в пользу первой.

...Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.

И это верно. Лишь творческая способность, или, говоря более прозаически, его труд, его работа, его жертвенная борьба, обеспечивает ему и славу и свободу. Но слава и свобода есть только результат творческой способности человека, и потому ничто не выше этой способности с кратким именем Муза.

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.

Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

«Милая гостья» пером поэта очеловечена. В стихотворении почти физически слышно дыхание Музы, когда она простодушно произносит свой ответ поэту: «Я». И эта же Муза, когда вошла, «внимательно взглянула на меня», — ты ли, дескать, та самая, которая мне нужна; некогда она была в гостях и у Данта; тогда она не обманулась в своем выборе и тут не должна обмануться.

В сборнике есть и другое стихотворение, посвященное Музе.

Муза ушла по дороге,
Осенней, узкой, крутой,
И были смуглые ноги
Обрызганы крупной росой.

Я, глядя ей вслед, молчала,
Я любила ее одну,
А в небе заря стояла,
Как ворота в ее страну.

Личное душевное и внешнее всемирное неустройство мешает поэту жить с Музой неразлучно. При других личных качествах поэта, при другом отношении к внешнему миру такому, например, какое было у Маяковского, — Муза не является лишь гостьей поэта, она может быть его постоянной сотрудницей.

А. Ахматова знает, конечно, и сама разницу своей поэтической работы и работы Маяковского. В стихотворении «Маяковский в 1913 году» она пишет:

...Я сегодня вправе
Вспомнить день тех отдаленных лет
Как в стихах твоих крепчали звуки
Новые роились голоса...
Не ленились молодые руки,
Грозные ты возводил леса

И еще неслышанное имя
Молнией влетело в душный зал
Чтобы ныне, всей страной хранимо,
Зазвучать, как боевой сигнал.

Противоречие между творческой необходимостью и личной человеческой судьбой редко кто не испытал из поэтов. Испытали его и Пушкин и Данте, испытывал Маяковский и трагически переживает Ахматова.

Муза-сестра заглянула в лицо,
Взгляд ее ясен и ярок,
И отняла золотое кольцо,
Первый весенний подарок.
Муза! Ты видишь, как счастливы все
Девушки, женщины, вдовы...

...Должен на этой земле испытать
Каждый любовную пытку.
Жгу до зари на окошке свечу
И ни о ком не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, как целуют другую.

Человеческое подавляет поэтическое. Но не мнимое ли это противоречие — между творчеством и личной судьбой? Видимо, не мнимое, если это противоречие не всегда преодолевали даже великие поэты. Маяковский делал наиболее отважные попытки преодолеть поэтическими средствами недостатки человеческой, интимной судьбы. Вероятно, для решения этой драматической ситуации недостаточно быть одаренным поэтом — сколь бы ни был велик талант поэта, — решение проблемы заключено в историческом, общественном прогрессе, когда новый мир будет устроен более во вкусе Музы, или когда, что то же самое, все человеческое будет превращено в поэтическое — и наоборот.

Иногда в творчестве Ахматовой человеческое сжимается до размеров частного, женского случая, и тогда поэзии в ее стихах не существует. Например:

Муж хлестал меня узорчатым,
Вдвое сложенным ремнем...

Как мне скрыть вас, стоны звонкие!
В сердце темный, душный хмель.

Трудно представить, чтобы две последние строки написала рука Ахматовой — настолько они плохие. Иначе кто же тогда написал следующий поэтический шедевр:

Как белый камень в глубине колодца,
Лежит во мне одно воспоминанье.
Я не могу и не хочу бороться:
Оно веселье и оно — страданье.

Я ведаю, что боги превращали
Людей в предметы, не убив сознанья.
Чтоб вечно жили дивные печали,
Ты превращен в мое воспоминанье.

Литературная критика всегда немного кощунственное дело: она желает все поэтическое истолковать прозаически, вдохновенное — понять, чужой дар — использовать для обычной общей жизни. В отношении многих произведений Ахматовой мы не будем применять способа их дополнительного рационального истолкования. Вещи, в которых есть признаки совершенства, не нуждаются в помощи, потому что совершенство всегда могущественно само по себе.

Но во многих случаях критика, как суждение, нужна не для того, чтобы осудить или похвалить, но для того, чтобы глубже понять поэта. Выше мы приводили строки, в которых поэзия оставила автора. Вот несколько строк других, любовных стихов, но они уже совсем другого качества, и мы поймем, почему они прекрасны:

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко.
И сказал мне: «Не стой на ветру».

Вопль любящей женщины заглушается пошлым бесчеловечием любимого; убивая, он заботится о ее здоровье: «не стой на ветру». Это образец того, как интимное человеческое, обычное в сущности, превращается в факт трагической поэзии.

В лице персонажа «любимого» в стихотворении присутствует распространенный, «мировой» житель, столь часто испытующий сердце женщины своей «мужественной» беспощадностью, сохраняя при этом вежливую рассудочность.

Мы не ставили здесь себе задачи более или менее подробного суждения о творчестве Ахматовой, поэтому ограничимся лишь тем, что мы считаем самым существенным.

Необходимо прежде всего преодолеть одно заблуждение. Некоторые наши современники — литераторы и читатели считают, что Ахматова не современна, что она архаична по тематике, что она слишком интимна и прочее — и что поэтому, стало быть, ее значение как поэта не велико, что она не может иметь значения для революционных советских поколений новых людей.

Это неправильное мнение, это заблуждение. Основная задача Октябрьской революции состояла и состоит в воспитании высшего типа человека на земле — по сравнению с человеком предшествовавших эпох. На это направлены все усилия советской системы — материальные и духовные, в том числе и советская литература.

Подойдем к вопросу прямо и утилитарно. Воздействуют ли благотворно на душу советского читателя только те произведения искусства, в которых изображается конкретная современность, или благотворно и глубоко могут воздействовать и другие произведения искусства, хотя бы они современности не касались вовсе или касались ее отвлеченно и косвенно?

Вот ответ. Произведение, написанное высокоодаренным поэтом на большую тему современности, будет воздействовать на читателя гораздо больше, чем произведение, написанное столь же высококачественным поэтом на тему несовременную.

Это так, но это академическое решение вопроса. Практически надо рассудить таким образом: оказывают ли стихи Ахматовой этическое или эстетическое влияние на человека или нет? Или стихи поэта разрушают, деморализуют человека?

Ответ ясен. Не всякий поэт, пишущий на современные темы, может сравниться с Ахматовой по силе ее стихов, облагораживающих натуру человека, как не всякий верующий, непрерывно бормочущий молитвы, есть более святой, чем безмолвный. Ахматова способна из личного житейского опыта создавать музыку поэзии, важную для многих; некоторые же другие поэты способны великую поэтическую действительность трактовать как дидактическую прозу, в которой, несмотря на сильные звуки, нет обольщения современным миром и образ его лишь знаком и неизбежен, но не прекрасен.

Вообще же говоря, самая современная поэзия та, которая наиболее глубоким образом действует на сердце и сознание современного человека, совершенствуя это существо в смысле его исторического развития, а не та, которая ищет своей силы в современных темах, но не в состоянии превратить эти темы в поэзию; современники еще поймут усилия своих поэтов-сверстников, потому что для них сам изображаемый поэтами мир дорог и поэтичен (по многим причинам), но будущие читатели могут такую поэзию не оценить.

Но понятно, конечно, что высший поэт — это тот, кто находит поэтическую форму для действительности в тот момент, когда действительность преобразуется, то есть поэт современных тем.

Однако не будем понимать современность вульгарно, — ведь и мы все, работая на будущее, питаемся не только современностью. Нас воспитывали Пушкин, Бальзак, Толстой, Щедрин, Гоголь, Гейне, Моцарт, Бетховен и многие другие учителя и художники.

Ахматова сказала в своей книге:

О, есть неповторимые слова,
Кто их сказал — истратил слишком много.
Неистошима только синева
Небесная...

Будем же ценить поэта Ахматову за неповторимость ее прекрасных слов, потому что она, произнося их, тратит слишком много для нас, и будем неистощимы к ней в своей признательности.

1940

Статья Платонова об Анне Ахматовой не была случайной, отразив размышления ее автора о родственности духовной и ситуационной. После жесткой редакции она тем не менее была отвергнута журналом «Литературный критик» (уже подготовленная к печати), как отклик на сборник «Из шести книг», вышедший после долгих лет непечатания или мнимого молчания. По свидетельству Н. В. Корниенко, исследователя и издателя Андрея Платонова, он не был лично знаком с Ахматовой, являясь, однако, глубоким и прикровенным ее почитателем. В записной книжке Платонова значится телефон Ахматовой, но будучи в Ленинграде в 1934 г., он так и не решился позвонить, а лишь прошел мимо Фонтанного Дома, в котором, как он знал, она жила. В той же записной книжке рукой Платонова — текст стихотворения, не упоминаемого в те годы Н. С. Гумилева, «Волшебная скрипка», как предчувствие и предостережение:

Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка,
Не проси об этом счастье, отравляющем миры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое темный ужас начинателя игры!
Тот, кто взял ее однажды в повелительные руки,
У того исчез навеки безмятежный свет очей,
Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей.
Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам,
Вечно должен биться, виться обезумевший смычок,
И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим буруном,
И когда пылает запад, и когда горит восток.
Ты устанешь и замедлишь, и на миг прервется пенье,
И уж ты не сможешь крикнуть, шевельнуться и вздохнуть, —
Тотчас бешеные волки в кровожадном исступленьи
В горло вцепятся зубами, встанут лапами на грудь.

1940 год, когда Платонов написал рецензию на сборник «Из шести книг», отмечен его диалогом с М. Пришвиным, К. Паустовским, В. Шкловским, а также жестокой полемикой с всесильным тогда критиком В. В. Ермаковым, решавшим, чему быть и чему не быть в отечественной литературе. В своей статье, или условно рецензии, Платонов дал глубокое прочтение творчества Ахматовой и вступил в полемику с ее хулителями и интерпретаторами. Он стремится защитить ее и от тех, кто при доброжелательном отношении оказался не в состоянии постичь главное, «тайну» поэзии, рассматривая произведения «как сумму приемов». Н. Корниенко в статье «История текста и биография А. П. Платонова» (Журнал Литература-Философия-Культура. «Здесь и теперь». 1993) приводит суждения Платонова о книге В. Шкловского, вышедшей в том же 1940 г. («О Маяковском»): «Ахматова конкретна, как мастер лимузинов:

Он снова тронул мои колени
Почти не дрогнувшей рукой.

«Как мастер лимузинов» — сказал Шкловский для своеобразия. Означает же это вот что: Шкловский думает: у всех же так, трогают вначале что-нибудь, допустим, — колени. А затем — одинаково. Это похоже, как лимузины, думает Шкловский. Он не понимает, что мысли и действия

людей в одинаковых обстоятельствах тоже почти одинаковы (и здесь нет ничего дурного, порочащего), но чувства их всегда разнятся, чувства их всегда индивидуальны и однократны. Действия шаблонны, а жизнь неповторима. Ахматова пишет именно об этом, а Шкловский, не понимая, думает о производстве лимузинов: играя метафорой, автор и выигрывает одну метафору».

Приведя эту цитату из Шкловского, Корниенко продолжает: «Статья Платонова о книге Шкловского была опубликована в 17 номере «Литературного обозрения» за 1940 год. А в 15 номер журнала планировалась статья Платонова о книге Ахматовой «Из шести книг» (1940). Предложенный Платоновым в 1940 (!) году язык разговора о лирике Ахматовой это — не только важная подсветка к приведенным выше строкам Платонова о книге Шкловского, но и яркий пример того органического стиля, мировоззренческого по своей плоти, наличие которого позволило Платонову выйти победителем в жанре литературно-критической статьи. К органике языка Ахматовской лирики, ее идеальным устремлениям к жертвенному характеру музы прежде всего обращается Платонов, открывая для себя родственность этого мира: «<...> Победа ахматовской музы видится Платонову в ее всесвязанности с миром, реальностью и ее высочайшей духовностью». Нетрудно предположить, — продолжает Корниенко — почему в 1940 году журнал «Литературное обозрение» все-таки не решился опубликовать статью Платонова о книге Ахматовой. Единство «пролетарского» прозаика и «буржуазной» поэтессы в их взглядах на искусство было очевидно для критики и редактора. Очевидна была и аналогия писательских судеб, не так далеко запрятанная в подтекст статьи. Не случайно, готовя статью к публикации, редактор исключает почти целый абзац, как бы расшифровывающий первое предложение статьи: «Голос этого поэта долго не был слышен, хотя поэт не прекращал своей деятельности». Следы ножниц на листе: вырезается следующий текст: «Мы не знаем причины такого обстоятельства, но знаем, что оправдать этого обстоятельства ничем нельзя, потому, что Ахматова поэт высокого дара, потому, что создаёт стихотворения, многие из которых могут быть определены как поэтические шедевры, и задерживать или затруднять опубликование ее творчества нельзя». Этот абзац заменяется более нейтральным: «Теперь мы имеем возможность слышать А. Ахматову, поэта высокого дара».

Однако даже в отредактированном виде статья все-таки отклоняется и сдается в архив журнала. Поддержать ее, значило бы признать, что ведущие оппоненты самого Платонова идут по неверному пути; статья об Ахматовой пронизана полемическим пафосом по отношению к вульгарно-социологической критике» (Корниенко Н. Указ, издание. С. 259-260).

И еще один из вырезанных кусков при подготовке рецензии к печати: «Не всякий пишущий на современные темы может сравниться с Ахматовой по силе ее стихов, облагораживающих натуру человека, <как не всякий верующий, непрерывно бормочущий молитвы, есть более святой, чем безмолвный>. Ахматова способна из личного житейского опыта создавать музыку поэзии, важную для многих; некоторые же другие поэты способны поэтическую действительность трактовать как дидактическую прозу, <в которой, несмотря на сильные звуки, нет обольщений современным миром и образ его лишь знаком и неизбежен, но не прекрасен>. Вообще же говоря, самая современная поэзия та, которая наиболее глубоким образом действует на сердце и сознание современного человека, совершенствует это существо в смысле его исторического развития, а не та, которая ищет своей силы в современных темах, но не в состоянии превратить эти темы в поэзию; <современники еще поймут усилия своих поэтов-сверстников, потому, что для них сам изображаемый поэтами мир дорог и поэтичен (по многим причинам), но будущие читатели могут такую поэзию не оценить>».*

* Фрагменты, заключенные в угловые скобки, выпущены в статье Н. В. Корниенко и сообщены нам дополнительно.